

К вопросу о принципах реконструкции номинационных моделей (дискуссионная заметка)

В статье И. В. Бродского «Лексико-семантические модели сложных (составных) финно-пермских фитонимов, содержащие детерминант» собран чрезвычайно интересный и обширный (по 40 лексикографическим источникам) фактический материал по фитонимам в финно-пермских языках. Эти данные классифицированы по группам в зависимости от их представленности в отдельных современных языках. Сама по себе эта работа очень информативна и, без сомнения, будет активно использоваться будущими исследователями.

Однако И. В. Бродский не останавливается на достигнутом, а предлагает в каждом конкретном случае с помощью этимологического анализа выявить, какие из моделей номинации являются древними. И эта часть статьи, как нам представляется, выполнена не вполне систематично. В начале статьи И. В. Бродский эксплицитно приводит принципы реконструкции модели номинации на прауровень:

«Отметим, что идентичность модели номинации в ряде родственных языков совсем не означает ее генеалогически общего происхождения. Даже в языках, не находящихся в родстве между собой и распространенных в дистантных ареалах, наблюдается множество таких моделей, являющихся чуть ли не универсальными (например, названия мухоморов, мотивированные названиями мух). (...) Вероятность общего происхождения модели номинации выше в том случае, если хотя бы один из ее компонентов имеет в родственных языках генеалогически (этимологически) общее происхождение; соответственно, вероятность такого происхождения выше тогда, когда все компоненты фитонима, созданного по этой модели, родственны между собой. В таком случае мы отмечаем общее происхождение модели номинации растения (подчеркиваем — именно **лексико-семантической модели**, а не конкретных названий растений).

Следует отметить, что лексемы-компоненты фитонима, соответствующего определенной общей модели, в родственных языках могут отличаться и иметь различное происхождение; это относится и к детерминантам, например: ср. фин. *kukka*, эст. *lill*, вепс. *änik* ‘цветок’. Появление этих отличий относится ко времени самостоятельного развития каждого языка в отдельности. Тем не менее, модель, в которую входят такие компоненты, с большой долей вероятности можно считать древней, существовавшей в предшествующей языковой общности, особенно, если в родственных языках такая модель относится к одним и тем же растениям: детерминант мог со временем замениться в языке».

С этими рассуждениями нельзя не согласиться. Но, к сожалению, в тексте статьи, как нам кажется, единый подход оценки данных системно не проведен. Приведем примеры несистемного осмысления на материале прибалтийско-финских слов, собранных в статье.

Таблица 1

Иллюстрация несистемного осмысления слов, не все из которых являются этимологическими аналогами друг друга

названия этимологически НЕ сводятся в единую праформу, слова имеют близкое значение, модель признается	
древней	инновационной
отклонение от общей модели только в одном языке	
<p style="text-align: center;">модель ‘белый цветок’:</p> <p>фин. <i>valko</i> <i>kukka</i> ‘нивяник’; карел. собств., твер. <i>valgie</i> <i>kukka</i>, <i>valkee</i> <i>kukka</i> ‘пушица болотная’, ‘кошачья лапка двудомная’; эст. <i>valge</i> <i>lill</i>, <i>valge</i> <i>lilli</i>, <i>valged lilled</i>, <i>valged lillesed</i>, <i>valge</i> <i>läll</i>, <i>valged lälled</i>¹ ‘багульник болотный’, ‘ветреница дубравная’, ‘нивяник’, ‘поповник’, ‘пупавка полевая’, ‘ромашка непахучая’, ‘сердечник луговой’</p>	<p style="text-align: center;">модель ‘желтый цветок’:</p> <p>фин. <i>kelta</i> <i>kukka</i>, <i>kelto</i> <i>kukka</i>, <i>kelda</i> <i>kukka</i>, <i>kiilto</i> <i>kukka</i>, <i>kelta</i> <i>kukkain</i>, <i>kelta</i> <i>kukka(i)nen</i>, <i>kelta</i> <i>kukkii</i>, <i>kelta</i> <i>kukkia</i> ‘золотарник’, ‘календула’, ‘калужница болотная’, ‘кульбаба осенняя’, ‘купальница европейская’, ‘лютик’, ‘одуванчик’, ‘пупавка красильная’, ‘скерда кровельная’, ‘ястребинка’; карел. собств. <i>kelda</i> <i>kukka</i> ‘лютик’, ‘кульбаба осенняя’; эст. <i>kollane lill</i>, <i>kollased</i></p>

¹ Полуужирным шрифтом отмечены отклонения от общей модели.

	<i>lilled, kollased lilled</i> ‘ветреница лютичная’, ‘горчица полевая’, ‘лютик едкий’, ‘ноготки (календула) лекарственные’, ‘свербига восточная’; вод. <i>kõlta</i> <i>kukka</i> ‘калужница’
модель ‘водяной цветок’: фин. <i>vesi</i> <i>kukka</i> ‘частуха подорожниковая’, ‘калужница болотная’, ‘кубышка желтая’; ижор. <i>vezi</i> <i>kukka</i> ‘кувшинка’; эст. <i>vesi</i> <i>lill</i> , <i>vesi</i> <i>lilled</i> , <i>vesi</i> <i>lillid</i> , <i>vee</i> <i>lill</i> , <i>vee</i> <i>lilled</i> ‘калужница болотная’, ‘лютик водный’, ‘лютик жгучий’, ‘лютик ядовитый’, ‘незабудка болотная’, ‘селезеночник очереднолистный’, ‘сердечник горький’, ‘хохлатка плотная’, ‘частуха подорожниковая’	модель ‘ржаной цветок’: фин. <i>ruis</i> <i>kukka</i> , ингерм. <i>ruis</i> ' <i>kukka</i> ‘василек’; карел. ливв. <i>ruis</i> <i>kukka</i> , <i>ruis</i> <i>kukku</i> , <i>rukhin</i> <i>kukka</i> , <i>rukihin</i> <i>kukka</i> ‘василек’, ‘короставник полевой’; ижор. <i>ruis</i> <i>kukko</i> ‘василек’; эст. <i>rukki</i> <i>lill(ed)</i> ‘василек’; вод. <i>rüis</i> <i>kukk</i> , <i>rütsè</i> <i>kukk</i> ‘василек’
модель ‘ласточкин цветок’: фин. <i>pääskyn</i> <i>kukka</i> , <i>pääskysen</i> <i>kukka</i> , <i>pääskusen</i> <i>kukkai</i> , <i>pääskysen</i> <i>kukkanen</i> ‘гвоздика-травянка’; эст. <i>pääsu</i> <i>lill</i> , <i>pääsu</i> <i>lilled</i> , <i>pääsü</i> <i>lilli</i> , <i>päsuk(e)se</i> <i>lill</i> , <i>päsukese</i> <i>lilled</i> ‘гвоздика-травянка’, ‘незабудка болотная’, ‘первоцвет мучнистый’, ‘печеночница благородная’	модель ‘(при)дорожная трава’: фин. <i>tie</i> <i>heinä</i> ‘подорожник’; вепс. <i>dorog</i> <i>hein</i> ‘подорожник’; эст. <i>tee</i> <i>rohi</i> ‘подорожник’
модель ‘березовый гриб’: фин. <i>koivu</i> <i>tatti</i> ‘подберезовик’; карел. твер. <i>koiv</i> <i>gribu</i> , <i>koivu</i> <i>griba</i> , люд. <i>koivun</i> <i>griba</i> ‘подберезовик’, ‘трутовик березовый’, твер., ливв. <i>koivu</i> <i>sieni</i> , ливв. <i>koivu</i> <i>sien</i> , люд. <i>koivoi</i> <i>šien</i> ‘скрипица’; ижор. <i>koivu</i> <i>obokka</i> ‘подберезовик’; эст. <i>kase</i> <i>seen</i> ‘подберезовик’; вод. <i>kahtši</i> <i>obahka</i> ‘подберезовик’, <i>koivu</i> <i>griba</i> ‘подберезовик’, <i>kahtši</i> <i>siini</i> ‘волнушка’; лив. <i>ke</i> ’ <i>uvð(š)</i> <i>seen</i> , <i>ke</i> ’ <i>iv</i> <i>seen</i> , <i>kiuš</i> <i>seen</i> , <i>kiiv</i> <i>seen</i> ‘подберезовик’	модель ‘желтая трава’: фин. <i>kelda</i> <i>ruoho</i> ‘лютик жгучий’, ‘чистотел большой’; карел. собств. <i>kelta</i> <i>heinä</i> , <i>kelda</i> <i>heinä</i> , карел. ливв. <i>keldu</i> <i>heiny</i> ‘кульбаба осенняя’, ‘лютик’, ‘одуванчик’; эст. <i>kollane hain</i> ‘пупавка красильная’
модель ‘пневый гриб’: фин. <i>kanto</i> <i>sieni</i> ‘опенок’; вепс. <i>kandon</i> <i>sen</i> ‘опенок’; эст. <i>kannu</i> <i>seen</i> ‘опенок’; вод. <i>kanto</i> <i>griba</i> , <i>kanto</i> <i>obahka</i> , <i>kanto</i> <i>siini</i> ‘опенок’; лив. <i>kannt</i> <i>päkkaa</i> ‘опенок’	модель ‘масляный гриб’: фин. <i>voi</i> <i>sieni</i> ‘груздь’; карел. твер. <i>voi</i> <i>griba</i> , <i>voi</i> <i>tatti</i> ‘масленок’; вепс. <i>voi</i> <i>sen</i> ‘масленок’
	модель ‘медвежья ягода’: фин. <i>karhun</i> <i>marja</i> ‘водяника’, ‘вороний глаз’; вепс. <i>kon'd'jam</i> <i>bol</i> ‘толокнянка’; эст. <i>karu</i> <i>marj</i> ‘водяника’, ‘вороний глаз’, ‘ежевика сизая’, ‘куманика, ежевика неская’, ‘толокнянка’; вод. <i>karù</i> <i>marjõ</i> ‘поленика’; лив. <i>oks mared</i> ‘Rauschbeeren, голустика’
отклонение от общей модели в двух языках	
модель ‘гриб мухи’: фин. <i>kärpäsi</i> <i>sieni</i> ‘мухомор’; карел. <i>kärbä</i> <i>sieni</i> и др. ‘мухомор’; ижор. <i>kärpsen</i> <i>griba</i> , <i>kärpäizen</i> <i>obokka</i> ‘мухомор’; вепс. <i>kärbäs</i> <i>sen</i> ‘мухомор’; эст. <i>kärbse</i> <i>seen</i> ‘мухомор’; вод. <i>tšärpeizè</i> <i>obakk</i> ‘мухомор’; лив. <i>kärmi</i> <i>seen</i> ‘мухомор’	модель ‘белый гриб’: фин. <i>valkea</i> <i>sieni</i> ‘волнушка белая’, <i>valkea</i> <i>tatti</i> ‘боровик’; карел. твер. <i>valgie</i> <i>griba</i> ‘белый гриб’; вепс. <i>vouged</i> <i>babuk</i> ‘белый гриб’
модель ‘водяная трава’: фин. <i>vesi</i> <i>heinä</i> ‘звездчатка средняя, мокрица’; карел. твер. <i>vez'i</i> <i>hein'ä</i> ‘звездчатка средняя, мокрица’; ижор. <i>vesi</i> <i>roho</i> ‘звездчатка средняя, мокрица’; эст. <i>vesi</i> <i>rohi</i> ‘звездчатка средняя, мокрица’	модель ‘синий цветок’: фин. <i>sini</i> <i>kukka</i> , <i>sini</i> <i>kukkainen</i> , <i>sini</i> <i>kukkain</i> , <i>sin'</i> <i>kukka</i> , <i>sini</i> <i>kukkai</i> ‘борец синий’, ‘василек синий’, ‘вероника весенняя’, ‘вероника дубравная’, ‘герань лесная’, ‘колокольчик сборный’, ‘незабудка’, ‘шлемник’; карел. собств. <i>sini</i> <i>kukka</i> , <i>sin'</i> <i>kukka</i> ‘василек’; эст. <i>sini</i> <i>kann</i> , <i>sini</i> <i>kannid</i> ‘фиалка пахучая’, ‘фиалка собачья’, <i>sini</i> <i>lill</i> , <i>sini</i> <i>lilli</i> , <i>sini</i> <i>lilli</i> , <i>sini</i> <i>lilled</i> , <i>sini</i> <i>lillid</i> , <i>sini</i> <i>lillesed</i> , <i>sini</i> <i>läll</i> , <i>sini</i> <i>lillikas</i> , <i>sinine lill</i> , <i>sinised lillakad</i> , <i>sinised lillesed</i> ‘василек’, ‘вероника дубравная’, ‘ирис сибирский’, ‘незабудка болотная’,

	‘первоцвет мучнистый’, ‘печеночница (перелеска)’, ‘фиалка пахучая’, ‘фиалка собачья’, ‘фиалка топяная’, <i>sini ōis, sinised öied, sinised öied</i> ‘василек’, ‘печеночница (перелеска)’, <i>sini ninn, sini ninni</i> ‘василек’ (букв. ‘синий цветочек’); лив. <i>sin'n'i put'kõz</i> ‘очанка’
--	---

Нам представляется, что в *Табл. 1* примеры, приведенные в правом и левом столбцах, в большинстве случаев совершенно однотипны. Необходимы серьезные дополнительные аргументы, чтобы оценивать древность этих моделей по-разному. Кажется, что, исходя из традиционных постулатов компаративистики, следует во всех случаях, где **отклонение** касается **лишь одного слова**, реконструировать **древнюю общую модель номинации**. Случаи, когда отклонение касается двух или большего количества слов, должны быть осмыслены в соответствии с правилами о возможных типах инновационных изменений. Древнюю модель можно постулировать в тех случаях, когда изменение касается лишь одной близкородственной ветви языков, или оно произошло в строго локализованном географическом ареале, возможно, под влиянием контактных языков. В остальных случаях для надежной верификации древности модели номинации необходимо, чтобы она была представлена у рефлексов родственных слов за пределами прибалтийско-финских языков. В противном случае модель следует признавать инновационной. Если следовать этой системе, то **все вышеприведенные модели**, в которых встречаются **отклонения** (т. е. этимологически неродственные слова) **в двух языках**, следует признать **инновациями**, поскольку 1) ни в одном из случаев отклонения не локализованы лишь в северных или южных прибалтийско-финских языках, 2) за пределами прибалтийско-финских языков в этих моделях используются неродственные слова.

Таблица 2

Иллюстрация несистемного осмысления слов, имеющих общую этимологию

названия этимологически сводятся в единую праформу, слова имеют разные значения , модель признается	
древней	инновационной
модель ‘клопная трава’: фин. <i>lutikka heinä, lutukka heinä</i> ‘пастушья сумка’; карел. собств. <i>lutikka heinä</i> , твер. <i>lut'ikka hein'ä</i> ‘голокучник’, ‘погремок большой’, ‘ярутка полевая’; вепс. <i>ludeg hein</i> ‘багульник’; эст. <i>lutik hein, lutik hain</i> ‘трясунка средняя’	модель ‘свиная трава’: фин. <i>sian heinä, sika heinä</i> ‘горец птичий’, ‘звездчатка средняя’, ‘зверобой’, ‘льнянка’, ‘осока’; карел. собств. <i>šiga hein'ä</i> ‘багульник’; эст. <i>sea hein, sea ain</i> ‘бодяк огородный’, ‘осот полевой’, ‘пырей ползучий’; лив. <i>sigad aina</i> ‘клевер темноцветный’
модель ‘болотная трава’: фин. <i>suo(n) heinä</i> ‘лютик ползучий’, ‘осока береговая’, ‘осока сероватая’, ‘осока шаровидная’, ‘пушица альпийская’, ‘сабельник болотный’; карел. собств., твер. <i>šuo heinä</i> , ливв. <i>suo heinä, suo heiny</i> ‘белоус торчащий’, ‘осока’, ‘пушица’; вепс. <i>so hein</i> ‘осока’; эст. <i>soo hein, soo heinad, soo ein</i> ‘осока узколистная’, ‘трясунка средняя’	модель ‘овечья трава’: фин. <i>lammas heinä, lampeen heinä</i> ‘бодяк полевой’, ‘короставник полевой’, ‘майник двулистный’; эст. <i>lambda hein</i> ‘козелец приземистый’, ‘манжетка’
модель ‘синяя трава’: фин. <i>sini heinä</i> ‘герань лесная’, ‘незабудка’; карел. собств. <i>sini heinä</i> ‘клевер’, ‘василек’; эст. <i>sini hein</i> ‘вероника лекарственная’, ‘пролесник многолетний’	модель ‘шерстяная трава’: фин. ингерм. <i>villa heinä</i> ‘пушица’; эст. <i>vill hein</i> ‘иван-чай’
модель ‘земляная (наземная) трава’: фин. <i>maa heinä</i> ‘овсяница красная’, ‘мятлик луговой’; эст. <i>maa hein, maa hain</i> ‘истод горьковатый’, ‘мятлик луговой’, ‘овсяница’, ‘полевица’; вод. <i>maa ein</i> (неидентифицированное растение)	модель ‘сосновый гриб’: фин. <i>petäjä sieni</i> ‘горькушка’, ‘свинуха’, ‘серушка’; эст. <i>männi seen</i> ‘горькушка’, ‘сыроежка’; вод. <i>pihku siini</i> ‘горькушка’

На основании анализа примеров, собранных в *Табл. 2*, также неясно, почему в одних случаях модель признается древней, а в других нет. Нам кажется, что все случаи, когда слова, использованные в номинации, являются **родственными**, следует относить к **древним моделям номинации** для **прибалтийско-**

финских языков. Сепаратное возникновение таких моделей под влиянием контактов с русскими диалектами должно быть в каждом из случаев доказано с помощью данных из контактных русских диалектов и демонстрации того, что в них отличаются значения так же, как в разных прибалтийско-финских языках.

В целом, кажется, что работа по реконструкции моделей номинации не отличается принципиально от обычной реконструкции лексем. В ней следует системно применять все принципы традиционной компаративистики: принципы выделения инноваций и архаизмов, каталога возможных семантических переходов, ареального рассмотрения слов и тщательного изучения контактных диалектов.

Сокращения

Языки и диалекты

- вепс. — вепсский
- вод. — водский
- ижор. — ижорский
- карел. — карельский
 - ливв. — ливвиковское наречие
 - люд. — людиковское наречие
 - собств. — собственно-карельское наречие
 - твер. — тверские говоры
- лив. — ливский
- фин. — финский
 - ингерм. — ингерманландские говоры
- эст. — эстонский

РЕЗЮМЕ

В данной дискуссионной заметке отмечается важность проблемы, затронутой в статье И. В. Бродского «Лексико-семантические модели сложных (составных) финно-пермских фитонимов, содержащие детерминант», а также указывается на некоторые методические недостатки этой работы.

SUMMARY

The author of the discussion article notes the importance of the problem, that Igor Brodski deals with in the paper "Lexical-semantic models of composite Finno-Permic phytonyms with determinants". The author also pays attention to some methodic disadvantages of this work.

Ключевые слова: финно-угорские языки, лексика, фитонимия, названия растений, лексико-семантические модели, детерминант

Keywords: the Finno-Ugric languages, lexicon, phytonymy, names of plants, lexical-semantic models, determinant